

ваш царьский корень конец прият!... Како ли ныне, прехвалный государь, возмогу управити толикое народу множество? Что убо сотворити о сих, недоумеюся. Аще бых имела чада твоего царьскаго наследия, не толикою б яз печалию сокрушалася: той бы возмог правити державу твоего царьствия“ (стр. 19).

В лирической части плач Ирины риторически распространяет плач Евдокии, отдавая его книжными украшениями от народной причеты, как одного из первоисточников плача XV в. „Звезда восточная“ превратилась под пером патриарха Иова в „звезду златозарную“; простое обращение — „солнце мое“ заменилось риторикой: „о солнце пресветлое, почто светозарная своя луча сокрываеши“, или „великое светозарное мое солнце“; добавлен новый книжный образ — „о ластовица богоглаволивая“; усилены эпитеты, прославляющие царя: „истинный поборник благочестия“, „всяя Великия Россия достохвалный правителю“. Все это отголоски пышного стиля макарьевской школы. Плач Ирины — типичное для конца XVI и начала XVII в. переосмысление старой литературной формы. Усиление книжности в стиле, цветистая пышность даже в выражении личных настроений и тенденциозная публицистичность сближают плач автора и плач вдовы, несмотря на различие их литературных первоисточников.¹

Одерковленный образ Дмитрия Донского послужил примером для автора панегирической биографии отца Грозного, Василия III в Степенной книге. Автор сам указал на сопоставление им этих двух героев.

„Вкратце похвала самодержцу Василию и о построжении его и о чудесном отшествии его к богу“ (стр. 610—615) — панегирик не только всей деятельности Василия III, но и его христианским добродетелям. Именно эта часть его характеристики и построена по типу панегирика Дмитрию Донскому: „Наипаче же всего всегда попечение о души своей имея, многим тщанием подражая богомудрому житию святого и праведного своего прародителя, достохвального великого князя Дмитрия Ивановича Доньскаго; на престоле убо царьском седяи и землю Русьскую управляя, а сердце свое яко пещеру имеяше, царскую багряницу и венець ношаше, в ризы же чернеческия всегда желаше облещися, еже и получи последи“ (сравним в „Слове о житии“: „на престоле седяше, и яко пещеру в сердце дръжаше: царскую багряницу и венець ношаше, а во чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися“). Великая княгиня над умирающим Василием III „плачущи горько, огненныя слезы испущая“ (ср. Евдокия „въсплакася горьким гласом, огненныя слезы от очию испущающе“).

Текстуальные совпадения ограничиваются этими примерами, но в целом преувеличенная похвала добродетелям Василия III, более развитая в этой части, чем в биографиях других московских великих князей, построена в тоне „Слова о житии“ Дмитрия Донского.

¹ Та же мысль о конце династии составляет содержание всенародного плача, которым провозгласили царя при погребении: „камо отходиши, солнце светозарное, нас же, раб своих, сирых оставляеши и свой царьский скипетр и пререликий престол самодержавнаго твоего царьствия по себе кому вручаеши“ (стр. 20—21). Автор настолько весь во власти этой идеи об осиротевшем престоле, что и молитву, с которой патриарх обращается после погребения, он заполняет вариациями все той же тревожной мысли: „кто ли ныне толикий народ в мире упасет... осиротехом и бежом, яко овца не имуща пастыря“ (стр. 21).